

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката М.

14.05.2026

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе первого вице-президента АП СПб Саськова К.Ю. (председатель), вице-президента АП СПб Пановой В.С., членов Совета Зеленского А.В., Кониной Н.Н., Краузе С.В., Пашинского М.Л., Передрука А.Д., Семеняко М.Е., Чангли А.И. (участвовали очно), члена Совета Морозова М.А. (участвовал дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SaluteJazz»), в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА) рассмотрев 14.05.2026 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката М. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 29.12.2025 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. послужила жалоба Х.Г.В., поступившая в АП СПб 19.12.2025; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 27.01.2026.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 19.03.2026 в действиях адвоката М. установлено наличие нарушения взаимосвязанных требований:

- п. 1 ст. 8 КПЭА: *«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещёнными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом»;*

- п.п. 1 и 2.1 решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «О двойной защите» от 27.09.2013 (в редакции, утверждённой решением Совета ФПА РФ от 28.11.2019; далее – решение Совета ФПА РФ «О двойной защите»): *«1. Адвокат в соответствии с правилами профессиональной этики не вправе принимать поручение на защиту против воли подсудимого и навязывать ему свою помощь в суде в качестве защитника по назначению, если в процессе участвует защитник, осуществляющий свои полномочия по соглашению с доверителем. 2.1. Адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве защищают адвокаты на основании заключённых соглашений.»*.

Нарушение выразилось в том, что адвокат М. 13.11.2025 приняла участие в процессуальных действиях по уголовному делу в качестве защитника Х.Г.В. по назначению, не выяснив надлежащим образом наличие у него защитника по

соглашению, не проверив соблюдение гарантий права на защиту и тем самым допустив формальное участие в процессуальных действиях, связанных с заочным предъявлением обвинения и избранием меры пресечения.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 14.05.2026 были извещены надлежащим образом.

Заявитель Х.Г.В. на заседание не явился, представителя не направил, об отложении слушания дела не ходатайствовал.

Адвокат М. на заседание явилась, сообщила, что знакома с заключением Квалифкомиссии, с его выводами согласна, письменных возражений не подавала. Пояснила, что была введена следователем в заблуждение, понимала, что действует в условиях «двойной защиты», считает, что совершила «чудовищную ошибку».

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, заслушав адвоката М., изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб соглашается с выводом Квалифкомиссии** о наличии в действиях адвоката М. дисциплинарного нарушения.

Квалифкомиссия обоснованно исходила из того, что адвокат, принимающий назначение на защиту лица при производстве по уголовному делу, обязан действовать не формально, а исходя из существа профессиональной обязанности защитника – активно и добросовестно защищать права и законные интересы лица, которому оказывается юридическая помощь.

Принятие адвокатом заявки на участие в уголовном деле по назначению не освобождает адвоката от обязанности проверить, не участвует ли в деле защитник по соглашению, не выражал ли доверитель волю на защиту конкретным адвокатом и соблюдены ли установленные гарантии права на защиту.

Из заключения Квалифкомиссии следует, что уголовное дело № было возбуждено 13.12.2024 в отношении неустановленных лиц из числа руководителей ООО «Синергия» по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ. Х.Г.В. был допрошен по указанному уголовному делу в качестве свидетеля с участием адвоката по соглашению С.И.Ю.

Квалифкомиссия установила, что 13.11.2025 адвокат М. приняла участие в комплексе процессуальных мероприятий, свойственных для заочного предъявления обвинения: приняла участие в предъявлении обвинения и получила копию постановления о привлечении Х.Г.В. в качестве обвиняемого, приняла участие в избрании меры пресечения и получила копию постановления об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде. После совершения указанных процессуальных действий Х.Г.В. был объявлен в розыск, производство по уголовному делу приостановлено.

Квалифкомиссия отметила, что адвокат М. была ознакомлена с показаниями Х.Г.В., данными им ранее в качестве свидетеля при участии адвоката по соглашению С.И.Ю. Следовательно, у адвоката М. имелись основания, по меньшей мере, усомниться в сообщении следователя об отсутствии у Х.Г.В. адвоката по соглашению и принять дополнительные меры к проверке этого обстоятельства.

Кроме того, из заключения Квалифкомиссии следует, что в материалах имелось уведомление о дне предъявления обвинения. При таких обстоятельствах адвокат М. должна была проверить соблюдение порядка извещения о предъявлении обвинения и соблюдение гарантий, связанных с участием защитника по соглашению.

Совет АП СПб соглашается с выводом Квалифкомиссии о том, что в рассматриваемой ситуации адвокат М. не могла ограничиться лишь сообщением следователя об отсутствии адвоката по соглашению. Сведения о ранее участвовавшем защитнике по соглашению, а также характер процессуальных действий – заочное предъявление обвинения, избрание меры пресечения, последующее объявление лица в розыск и приостановление предварительного следствия – требовали от адвоката повышенной профессиональной внимательности и принципиальности.

Адвокат М. не представила доказательств того, что предприняла разумные и достаточные меры к связи с Х.Г.В. либо с адвокатом С.И.Ю.; заявила следователю ходатайства или возражения, связанные с необходимостью проверки наличия защитника по соглашению и соблюдения порядка извещения; иным образом зафиксировала свою позицию по вопросу допустимости участия защитника по назначению в сложившейся ситуации.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб приходит к выводу, что адвокат М. приняла участие в процессуальных действиях 13.11.2025 формально, без принятия необходимых мер к проверке соблюдения гарантий права Х.Г.В. на защиту. Такое поведение не соответствует требованиям п. 1 ст. 8 КПЭА о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом профессиональных обязанностей.

Совет АП СПб также соглашается с выводом Квалифкомиссии о нарушении адвокатом М. требований, направленных на недопущение так называемой «двойной защиты». Цель соответствующих правил состоит в том, чтобы исключить подмену защитника по соглашению защитником по назначению вопреки воле доверителя и не допустить формального участия адвоката в процессуальных действиях, способного ослабить гарантии права на защиту.

Довод о том, что адвокат М. действовала на основании назначения следователя, сам по себе не исключает дисциплинарной ответственности. Адвокат по назначению не является техническим участником процессуального действия и не освобождается от обязанности самостоятельно оценивать соблюдение базовых гарантий защиты, в том числе в части наличия у лица защитника по соглашению и соблюдения порядка вызова для предъявления обвинения.

Совет АП СПб принимает во внимание пояснения адвоката М. о том, что она была введена следователем в заблуждение, а также её признание допущенной ошибки. Вместе с тем эти обстоятельства не устраняют самого нарушения, поскольку обязанность самостоятельно проверить наличие защитника по соглашению и соблюдение гарантий права на защиту лежала именно на адвокате, принявшем назначение.

Совет АП СПб исходит из того, что оценка законности привлечения Х.Г.В. в качестве обвиняемого, избрания ему меры пресечения, объявления его в розыск и приостановления предварительного следствия не входит в компетенцию органов адвокатского самоуправления. Эти вопросы подлежат разрешению в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

Вместе с тем указанные обстоятельства имеют значение для дисциплинарной оценки не как самостоятельное установление незаконности процессуальных решений следователя, а как подтверждение того, что адвокат участвовала в процессуально значимых действиях,

затрагивающих существенные права лица, и потому была обязана проявить профессиональную активность и принципиальность. Именно в таком объеме Совет АП СПб учитывает данные обстоятельства.

Совет АП СПб также принимает во внимание, что Квалифкомиссия прямо указала: довод заявителя о незаконности привлечения в качестве обвиняемого, а равно доводы о незаконном объявлении в розыск и приостановлении следствия по делу, Квалифкомиссией по существу не оцениваются, поскольку выходят за пределы её полномочий. Такой подход является правильным.

С учётом изложенного Совет АП СПб приходит к выводу, что заключение Квалифкомиссии является законным, обоснованным и мотивированным в части установления нарушения п. 1 ст. 8 КПЭА, п.п. 1 и 2.1 решения Совета ФПА РФ «О двойной защите», выразившегося в ненадлежащем исполнении адвокатом М. профессиональных обязанностей при участии 13.11.2025 в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении Х.Г.В.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА, совершённое умышленно или по грубой неосторожности, влечёт применение мер дисциплинарной ответственности».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных ст. 18 КПЭА».*

Избирая меру дисциплинарной ответственности адвокату М., Совет АП СПб учитывает характер допущенного нарушения, обстоятельства его совершения, а также степень нарушения гарантий права доверителя на защиту.

Нарушение выразилось не в единичной технической ошибке, а в формальном участии адвоката в процессуальных действиях, затрагивающих существенные права лица, при наличии обстоятельств, требовавших проверки соблюдения порядка привлечения защитника по назначению и наличия защитника по соглашению. Такое поведение не соответствует назначению адвоката как независимого профессионального советника по правовым вопросам.

Кроме этого, Совет АП СПб принимает во внимание, что на момент принятия настоящего решения адвокат М. имеет два действующих дисциплинарных взыскания: решением Совета АП СПб от 10.07.2025 ей было объявлено предупреждение за участие в следственных действиях по назначению без заявки, а решением Совета АП СПб от 13.11.2025 – замечание за несвоевременную уплату обязательных ежемесячных взносов на нужды АП СПб. Это, по мнению Совета АП СПб, свидетельствует об устойчивом нежелании адвоката М. придерживаться в своей профессиональной деятельности обязательных для адвоката этических норм и правил.

Совет АП СПб принимает во внимание, что нарушение носило грубый характер. Такое поведение адвоката объективно подрывает доверие к адвокатуре, поскольку доверитель вправе рассчитывать не на формальное присутствие защитника при процессуальном действии, а на реальное, добросовестное, квалифицированное и принципиальное осуществление защиты.

Совет АП СПб приходит к выводу, что допущенное адвокатом М. нарушение свидетельствует о грубом нарушении принципов честности, разумности и добросовестности, что несовместимо со статусом адвоката.

Все указанные обстоятельства свидетельствуют о нежелании адвоката М. соблюдать установленные адвокатским сообществом обязательные требования и стандарты профессионального поведения, а также о пренебрежительном отношении к обязанностям адвоката перед доверителем. Совокупность установленных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат М. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, что делает невозможным её дальнейшее пребывание в составе адвокатского сообщества.

Совет АП СПб не находит возможности применения к адвокату М. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 КПА, как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 КПА, так и в силу того, что оставление М. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание другим адвокатам полагать, что совершённые ею нарушения совместимы со статусом адвоката.

Кроме этого, применение к адвокату М. мер дисциплинарной ответственности в виде замечания или предупреждения не будет отвечать характеру и тяжести допущенного нарушения и не обеспечит целей дисциплинарной ответственности.

С учётом изложенного Совет АП СПб полагает необходимым применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде **прекращения статуса адвоката**.

Критическое отношение адвоката М. к своему профессиональному поведению, по мнению Совета АП СПб, не влияет на избираемую меру дисциплинарной ответственности, но принимается Советом во внимание при определении срока, по истечении которого М. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, позволяя установить его в минимальном размере.

В соответствии с п. 7 ст. 18 КПА: *«В решении Совета о прекращении статуса адвоката за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса устанавливается срок, по истечении которого указанное лицо допускается к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката. Указанный срок может составлять от одного года до пяти лет»*.

С учётом всех приведённых выше обстоятельств дисциплинарного производства Совет АП СПб полагает возможным установить адвокату М. срок дисквалификации 1 (один) год¹.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 3 п. 6 и п. 7 ст. 18 КПА, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

признать в действиях адвоката М. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) наличие нарушения взаимосвязанных положений:

- пункта 1 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката и

¹ По данному вопросу Советом АП СПб проводилось отдельное голосование, решение принято единогласно.

- пунктов 1 и 2.1 решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «О двойной защите»

и применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде **прекращения статуса адвоката.**

Установить М. срок, по истечении которого она может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, 1 (один) год.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.